

ГОРЬКИЙ.

Очерк П. С. Когана.

К коммунизму каждый приходит своими путями. Горький шел к нему от поруганной человеческой личности. Революция не есть только перестройка экономических отношений политической системы. Довершение революции есть преобразование человеческой личности, внутреннего мира человека. Среди многочисленных фронтов, на которых борется революция, этот фронт является по преимуществу фронтом художника. Среди всевозможных форм гнета, которыми отмечена эпоха господства буржуазии, Горький мучительнее всего ощущал подавленную человеческую личность, связанные крылья человеческого вдохновения, убитое творчество, тяжелые гири, мешающие полету, влекущие к земле. Когда перечитываешь теперь его изумительные произведения в порядке их появления, все янее становится путь, которым пришел знаменитый писатель от индивидуализма к рабочему классу и к социализму. Изображая в «Фоме Гордееве», рабочую маевку, он чувствует влечение к рабочим, потому, что среди них, «так хорошо, свободно дышется одинокому, отравленному жизнью человеку». Он приходит к пролетариату почти от своего эстетического запроса, от своей жажды творчества и престола. Первым толчком на его социалистическом пути был не анализ социальных отношений, а художественный инстинкт. Он обратился сюда не потому, что знал, согласно учению Маркса, что индивидуально-предпринимательский анархический метод производства должен смениться организованным коллективным, что капиталист стоит препоной на пути к этой неизбежной революции, а пролетариат—тот класс, который ее совершит.

Быть может, неотразимое действие его творчества объясняется, прежде всего, именно его способностью подходить ко всем явлениям от непосредственного запроса его души. Горький всегда говорит только о непосредственно пережитом, он никогда не начинает с суждения, он не знает дедуктивного метода. В этом я убедился, когда мне пришлось летом прошлого года быть в Сорренто и беседовать с ним по разным вопросам. На первый взгляд его манера кажется странной, какой-то непривычной для интеллигентского сознания. На вопросы, требующие широких обобщающих суждений, Горький чаще всего отвечает указанием на малозаметные факты. Спросите мнение Горького о советской власти, как сделал я. Вместо ответа, он рассказал мне о какой-то школе его имени, находящейся где-то, если не ошибаюсь, под Харьковом. Ребята знают хорошо того, чьим именем названа их школа. Они пишут ему письма. «Вот смотрите,—сказал он,—несколько лет тому назад я получил письмо от ученика этой школы, и вот получаю теперь письма от школьников того же возраста. Какая разница! Как они выросли, как быстро идет вперед их развитие. Подросток наших дней уже совсем не то, что подросток недавнего прошлого». Вот все, что ответил мне Горький на мой вопрос о советской власти. Для него революция прежде всего этот школьник или этот крестьянин, с которым его случайно свела судьба, рабочий, интеллигент, те миллионы людей, думающих свои думы, страдающих, борющихся, те живые люди, радостями и муками которых измеряет великий ху-

дожник значение и ценность величайших исторических событий. От Горького никогда не услышишь слов на возвышенные темы. Я спросил его мнение о нашей литературе, я ждал слов о Маяковском, о Гладкове, о спорах между напостовцами и попутчиками, о приходившей в то время дискуссии по поводу пролетарской литературы и пр. Вместо ответа Горький стал говорить о книге Арсеньева, описывающей уссурийские степи. Он восхищался этой книгой и постепенно стал развертывать все бесконечное богатство тем и сюжетов, которые могла бы использовать наша литература.

Его последние произведения, в особенности «Жизнь Клима Самгина», вызвали много разговоров. Не все удовлетворены этим произведением. Иным читателям оно кажется нестройным композиционно-растянутым, перегруженным деталями. А между тем, это—итоги наблюдений, итоги полувекового опыта одного из величайших умов нашей современности. Это—самое тенденциозное произведение, в лучшем смысле этого слова тенденциозное, если под тенденциозным разумеет автора, который пишет не повествование о жизни, но зовет читателя вместе с собою думать о самых значительных вопросах жизни. Горький давно уже не пишет для развлечения. Он всегда зовет и учит, в каждом его слове скрыта практическая цель, стремление направить человеческую волю в ту или в другую сторону. Он давно уже перерос литературу рассказов и романов, как их было принято понимать еще в недалеком прошлом. Когда он читал мне письма своих бесчисленных корреспондентов, письма от людей разнообразнейших национальностей, всевозможных ступеней общественной лестницы, всевозможных уровней развития, начиная от знаменитостей ума и таланта, кончая полуграмотным крестьянином глухой деревни, и когда потом говорил о своих ответных письмах, то я терял границы, отделяющие эту эпистолярную литературу от «Моих университетов» и «Клима Самгина». Эти произведения, кажется, являются только продолжением напряженной учительской работы Горького. В этом жанре он имеет предшественников. Ведь такова, была в последние годы деятельность Толстого, Короленко, Успенского и других людей чуткой совести и вдумчивой мысли. Рамки установленные в теориях словесности, раздвигались, поэмы, романы и повести превращались в трактаты по экономике, морали, психологии и т. п., Фернэ и Ясная Поляна становились тогда не литературными центрами, а центрами великих идейных движений. И villa Sorito в Сорренто становится в настоящее время таким же притягательным центром для ищущих правды, для тех, кто не может успокоиться и примириться с основами, на которых еще держится современная буржуазная культура, и великий русский писатель, который от любви к живому человеку пришел к Октябрю, становится совестью эксплуатируемого человечества. Его юбилей превращается не только в грандиозную военародную демонстрацию у нас в Советском Союзе, но в значительной степени является демонстрацией революционного пролетариата во всем мире.

П. С. Коган.